

Ц Е Н Т Р П О Л И Г Р А Ф

Петр Столпянский

Путеводитель по Кронштадту

исторические
очерки

Петр Николаевич Столпянский

Путеводитель по Кронштадту:

Исторические очерки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2976895
Путеводитель по Кронштадту. Исторические очерки.:
Центрполиграф; Москва; 2011
ISBN 978-5-227-03040-5

Аннотация

Этой работой известный краевед, историк и замечательный знаток Петербурга Петр Столпянский продолжает цикл книг о Северной столице. В нее вошли историко-общественный путеводитель по Кронштадту и интересные авторские статьи разных лет. Книги Столпянского погружают в историческую культурную среду, дают эффект реконструкции историко-культурной ситуации и вызывают острое чувство сопричастности ей. Перед вами заключительная часть обширного исследования, в котором предстанет не мертвая череда давно прошедших событий и людей, а живое их воплощение в историческом пространстве Санкт-Петербурга. Историко-общественный путеводитель по Кронштадту П. Н. Столпянского впервые был опубликован в Петрограде в 1923 году.

Содержание

Маршрут следования по Кронштадту	5
Сообщение Петербурга с Кронштадтом	8
Путь в Кронштадт	21
Панорама по пути в Кронштадт	24
Историческая справка о Кронштадте	27
Кронштадт за пять лет революции[1]	31
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Петр Николаевич
Столпянский
Путеводитель
по Кронштадту.
Исторические очерки**

**Маршрут следования
по Кронштадту**

С пристани по паровой дамбе, по бульвару, до Петровских ворот, отсюда налево по Ильмениной улице до Октябрьской, по которой перейти Обводный канал и снова повернуть налево на Июньскую улицу. По этой улице до парка Свободы, через главные ворота которого на пристань и снова на ту же Июньскую улицу, перейти снова Обводный канал через площадь Мартынова, мимо тюрьмы, до Цитадельских ворот, где подняться на остатки вала.

Отсюда можно идти одним из следующих маршрутов:

Первый, более длинный:

По западному бульвару до Сайдашной улицы, затем повернуть на улицу Троцкого, пройдя по ней квартал, завернуть на улицу Володарского и по ней выйти на проспект Ленина; по последнему дойти до Флотской и по ней через улицу и площадь Рошаля на площадь Революции.

Второй, более короткий:

через улицу Мартынова по проспекту Ленина до Советской улицы, по которой дойдем до площади Революции.

Возвращаться с площади Революции по Советской улице до Интернациональной, затем заворот на Бочарную, по последней до Петербургской – по которой на пристань.

Сборный пункт для экскурсии в Кронштадт – пристань Кронштадтского пароходства на Васильевском острове, на так называемой Николаевской набережной. И пока достаются билеты, пока происходят проверка документов, посадка на пароход, вполне уместна небольшая справка, когда и как

было организовано сообщение Петербурга с Кронштадтом.

Сообщение Петербурга с Кронштадтом

31 августа 1721 года появился указ Петра «Об учреждении почты между Петербургом и Котлиным островом». Этим указом узаконялось давным-давно начавшееся сообщение Петербурга с его передовым фортом – Кронштадтом. Сообщение это резко разделялось по времени года: зимой – по льду и летом – через Финский залив, иначе именуемый Маркизовой лужей. Это путешествие на 25 верст по морю считалось далеко не безопасным. Чтобы избежать этого длинного путешествия по воде, Петр стал искать по Финскому побережью такое место, от которого легче и безопаснее достигнуть Кронштадта. Сначала Петр выбрал Стрельну, но и отсюда переехать в Кронштадт было не совсем легко; тогда Стрельна сменилась Петергофом, а потом Ораниенбаумом. В оба эти пункты Петр и другие лица, которым нужно было попасть в Кронштадт, ездили по вновь устроенной Петергофской перспективе и из них уже переезжали Маркизову лужу на небольшом судне. Зимой же дорога прокладывалась прямо на Петербург, когда же была построена Ораниенбаумская железнодорожная ветка, то значительная часть проезжающих отправлялась по льду на Ораниенбаум и отсюда в Питер по железной дороге.

Издав вышеуказанное распоряжение о почте, Петр в том же году велел заготовить в Петербурге «подводы для пересылки почты и писем», а затем было приказано смастерить «почтовые буера» для нужных поездок и перевозов – таким образом, зимой думали перевозить буерами.

Было ли проведено распоряжение Петра в жизнь – мы не знаем, по всей вероятности, оно так и осталось на бумаге, и только с 1734 года опять появилось распоряжение «Об устройстве с наступлением зимы дороги в море, с постановкой на местах, где бывают полыньи, деревянных с перилами мостов и надзоре за исправным их содержанием» и второе, «О возобновлении с наступлением весны почтового сообщения водой между Кронштадтом и Петербургом». С этого времени эти распоряжения повторяются из года в год.

Что первоначальный петровский указ о кронштадтской почте, видимо, позабылся, можно заключить из того обстоятельства, что 2 мая 1735 года повторилось повеление «Об учреждении почты от С.-Петербурга до Кронштадта», и это повеление занесено в полное собрание законов за № 6719.

Как только лед становился крепким, прокладывали дорогу, ограждали ее по бокам вехами. С зимы 1749/1750 годов разрешили «поставить на половине пути избу для обогрева». Так зародился знаменитый впоследствии кронштадтский дорожный кабачок, о котором уже в 60-х годах XIX века, в эпоху так называемых «великих реформ», писали: «Теперь вехи, будки с колоколами, часовые уже поставлены на

местах, построен настоящий кабак на сваях, учреждены многие второстепенные заведения этого рода, а потому зимнее сообщение может считаться совершенно устроенным».

Прогресс в устройстве зимней дороги главным образом выражался лишь в постановке нескольких будок с колоколами; часовые в этих будках во время метели должны были звонить через несколько минут и, таким образом, не давать путникам возможности сбиться с пути.

Петербуржец, желавший проехаться в Кронштадт, отправлялся (речь идет о 1830–1850-х годах) на Козье болото – так звалась нынешняя площадь в Малой Коломне, в которую упирается теперь Торговая улица и на которой возвышается неуклюжий храм Воскресения. На этой площади стояли повозки кронштадтских извозчиков.

Это были крытые возки, запряженные парой небольших чухонских лошадок, коренник под большой расписной дугой, пристяжные наотмашь, с мелкими бубенцами; в кибитке было навалено достаточное количество сена – оно служило и для сидения, и для укутывания ног. Плата за проезд в такой кибитке бралась от 6 до 10 рублей, смотря по лошадям, состоянию дороги и, конечно, состоянию проезжавшего.

Часа в два, с небольшой передышкой посредине пути, в указанном кабачке, где можно было выпить рюмку водки, съесть пирожок, бутерброд, а в масленичные дни заказать и порцию блинов с семгой или свежей икрой, путник достигал Кронштадта, Петербургских ворот, которые на обратном пу-

ти были иногда очень и очень неприятны для путешественника. У этих ворот была таможня. «Вы желали отправиться в Петербург, — так рассказывалось в то время, — нанимаете кибитку, укладываете свои вещи, садитесь и отправляетесь до Петербургских ворот. Здесь вы обязаны выйти из кибитки, открыть ваши чемоданы, саки, картонки, на морозе или в караульном доме, где произведется обыск или обряд таможенного очищения. Лишь вы уселись в кибитку и хотите тронуться в путь, не тут-то было — является новая личность в сером зипуне и с белой бляхой на груди — это уже досмотрщик от пути, который без всякой церемонии начинает длинным железным прутом щупать по всем направлениям кибитки». Только после такого двойного таможенного осмотра пассажир бывшего старого Кронштадта мог выехать из него, а чтобы вернуться в него обратно, он должен был иметь билет или с места службы, или от полиции. Кронштадт, как крепость, считался под усиленной, особой охраной.

Делались неоднократно попытки улучшить зимнее путешествие в Кронштадт. Так, в 1861 году местная газета заявляла: «Мы слышали, что кто-то намерен устроить зимнее сообщение на оленях — но это предположение так и осталось предположением». Затем с того же 1861 года начали не только мечтать, но и делать попытки устроить сообщение по льду помощью железной дороги. Для этого, конечно, выбирали направление на Ораниенбаум. Инициатором такой попытки был некто Солодовников, который зимой 1861/1862

годов предполагал пустить два поезда с платою в первом классе 75 копеек, во втором 50 копеек и в третьем 25 копеек. «Вагон первого класса будет теплый, с камином, обит коврами», – захлебывался от восторга рецензент, но у Солодовникова дальше благих пожеланий не пошло, и его проект осуществился в 1881 году, когда 27 января прошел первый пробный поезд по льду между Ораниенбаумом и Кронштадтом. Но и эта попытка кончилась для устроителей большим дефицитом. Через несколько дней после открытия дороги подул западный ветер, начался ледоход, рельсы железной дороги сдвинулись и пришлось прекратить сообщение.

Затем пытались пускать между Петербургом и Кронштадтом общественные дилижансы – сани-кары, но и они приносили убыток, и кронштадтский извозчик, несмотря на то, что его звали «лицом мифическим», все же в конечном результате, оставался более надежным способом передвижения. В 1868 году появилась железная дорога на Ораниенбаум, большинство стало пользоваться ею, а оставшиеся между Кронштадтом и Ораниенбаумом 6–7 верст делало по образу пешего хождения, хотя это пешее хождение было не всегда безопасно. Так, в 1862 году машинист одного из хозяйственных заведений Ораниенбаумского дворцового правления, пробираясь ночью из Ораниенбаума в Кронштадт, в темноте попал в полынью, однако же удержался за край льда. Место было неглубокое, но лед был так гладок, что несчастный не мог вскарабкаться. На другой день его нашли замерз-

шим, по грудь в воде и держащимся за край льдины. Мороз был довольно велик, и кругом трупа медленно замерзала вода. На льдине около руки мертвеца были найдены ножик и трубка. Ночь была звездная, и огни Ораниенбаума и Кронштадта были видны с того места, где погиб несчастный.

Но если встреча с замерзшим была, конечно, очень редким исключением, то другие картинки, вроде нижеследующих, были обычным явлением. «Верст с 2-х или 3-х от Кронштадта возле самой дороги лежит, по-видимому, давно павшая лошадь, над трупом которой стаями вьются вороны, а обглоданные, красноватого цвета ребра ее производят на путешественников очень неприятное впечатление». Точно так же большой неприятностью для ездока была встреча с одним из многочисленных торговых обозов, тянувшихся из Петербурга в Кронштадт и обратно. Приходилось, свернув в сторону, ожидать проезда или обгонять этот обоз стороной, по целине. В 90-х годах XIX столетия, впрочем, стали прокладывать две дороги: одну для торговых обозов, другую – для легких подвод.

Сообщение летом при Петре проектировалось с помощью «домшхоутов», затем при Екатерине II в 1777 году велено «партикулярной верфи наблюдать за количеством груза и числа людей, помещающихся на судах, служащих для переезда между Кронштадтом и Петербургом», а через год появилось и новое распоряжение «о запрещении на шлюпках, имеющих при присутственных местах, перевозить людей

из Петербурга в Кронштадт и обратно».

Но, видимо, каких-либо постоянных способов передвижения долго не вводилось. Для казенной почты ездили казенные суда, а частные лица должны были нанимать частные лодки; частной инициативе давали широкий простор. Наблюдали только за тем, чтобы шкипера проходивших в Кронштадт иностранных судов не привозили «частных писем», так как такая перевозка подрывала дело почтамта, приносила ему убытки. Шкиперов приказано было обыскивать и найденные письма направлять в почтамт для оплаты.

2 мая 1806 года началось регулярное сообщение между Петербургом и Кронштадтом. Об этом сообщении делалось такое объявление: «Учрежденные для перевоза разного звания людей с их экипажем между С.-Петербургом и Кронштадтом пассажботы отныне отправляться будут весной и осенью, т. е. с открытия вод по 1 число июля и с 15 августа до закрытия вод, один пассажбот в 9, а другой в 8, а летом, с 1 июля по 15 августа, один в 11, а другой в 9 пополудни, с платой за перевоз офицеров и нижних чинов воинской службы по 15 копеек, с духовных, с дворян и всякого рода людей по 50 копеек с человека, а клади и экипажей по 10 копеек с пуда. Станция их в С.-Петербурге у Исаакиевского моста, в Кронштадте у Итальянского пруда».

Мы, к сожалению, не могли точно установить, были ли эти «пассажботы» частным или правительственным начинанием. Кажется, что последнее вернее. Ходили они, надо думать,

на веслах, и путешествие, таким образом, продолжалось довольно долго, но все же обыватели были довольны и не могли нахвалиться на удобное, скорое и дешевое сообщение, установившееся с 1806 года.

Однако «прогресс» шел быстрыми шагами, и «пассаждот» утешал кронштадтцев лишь до 1815 года, когда «господин Берд» построил первый в России «стимбот», – так хотели назвать пароход, но это первоначальное название не удержалось. 3 ноября 1815 года совершена была первая пробная поездка в Кронштадт. Сохранилось довольно подробное описание этой поездки. В 6 ч 55 мин судно отошло от пристани Бердова завода (теперь Франко-Русский завод), в 10 ½ часов пароход пришел к военному углу, следовательно, совершил полный переезд от Петербурга до Кронштадта в 3 И часа. От сего же угла до Купеческой гавани на переход употреблено им 12 мин. «Как таковое парами движущееся судно появилось еще в первый раз на Кронштадтском рейде, то на Купеческую гавань привлечены были многие для любопытства зрители, пред которыми теперь пароход делал небольшие разъезды, объезжая несколько раз вокруг стоящего между Кронштадтом и гаванью брантвахтного фрегата. Г. главному командиру угодно было испытать скорость парохода сравнительно со своим катером, который по легкости хода считается самым лучшим в Кронштадте. Оному приказано было держать от судна в некотором расстоянии и идти за ним на гребле. Когда гребцы действовали обыкновенной

греблей, то они прилежно оставались позади, но когда гребли во всю возможную силу, то скорость катера иногда равнялась со скоростью парохода, а иногда несколько превосходила ее, так что они могли на ходу приставать к пароходу.

«В $2\frac{1}{2}$ -го часа пополудни пошли от ворот Купеческой гавани, через 15 мин. миновали угол Военной гавани и взяли прямой курс. Ветер начал свежеть и вскоре усилился до того, что на гребных катерах в то время в Петербург ехать было крайне трудно или и вовсе невозможно, а пароходу представился самый лучший случай испытать его достоинства; ибо все было против него: сильный ветер дул против носа, шло изрядное волнение, по небольшой величине судна производившее нарочитую качку, так что в некоторых, непривыкших к морю, приметна была обыкновенная морская болезнь. Пароход шел вперед, разрезая волны, с некоторым уменьшением своей скорости, соответственно увеличению ветра и волнения. На обратный путь употребили 5 час. 22 мин. времени, а в ту сторону $3\frac{1}{4}$ часа, посему на совершение поездки в Кронштадт и обратно требуется времени 8 час. 37 мин., т. е. в одни сутки почти можно съездить туда из Петербурга три раза, даже при неблагоприятных обстоятельствах, когда будет противный ветер, как в сей поездке действительно случилось, но при тихих ветрах плавание взад и вперед можно совершить еще успешнее».

После этого пробного плавания каждый год, весной, в середине апреля, на столбцах «С.-Петербургских Ведомостей»

появлялось нижеследующее объявление:

«Судно, называемое пароход, по вскрытии водяной коммуникации, будет отправляться ежедневно в 9 часов из С.-Петербурга в Кронштадт, а оттуда обратно в 5 часов».

Затем объявлялось, что летом пароход будет ходить два раза в день: поутру в 9, а ввечеру в 5 часов, т. е. крейсировало два парохода, осенью же снова ходил один пароход, причем из Петербурга он выходил в 8 часов, а из Кронштадта и в 4, и в 3 часа.

Очень любопытны были правила или «Условия, на которых принимаются на пароход пассажиры:

1. Никто из пассажиров, какого бы он звания и чина ни был, не должен вмешиваться в распоряжение пароходом, в управление машинами, также заводить споры с кем-либо из людей, к пароходам принадлежавших, и тем менее бить их или давать горячие напитки, ибо чрез это пароходы могут подвернуться опасности, а с тем вместе и пассажиры.

2. Вход на пароход и выход с него не иначе дозволяется, как по отдаче билета.

3. Желаящие ехать на пароходах, должны входить на оные прежде отвала от пристани, ибо невозможно приставать к пароходам в полном их ходе, а потому сим и подтверждается, не подъезжать к ним, пока не будет остановлено действие машины.

4. Так как во время плаванья от принятия на пароход и снятия с него пассажиров происходит остановка и пустая

трата дров, то без изъятия каждый пассажир после отвала или сходящий с парохода до прибытия на место платит за проезд 10 руб.

5. За проезд платится в одну сторону 5 руб. или 2 руб., но за какую из цен сих может ехать отъезжающий зависит единственно от выдающего билеты, которому предоставлено принимать на пароходы и без платы таковых, которые явно не в состоянии платить 2 руб.

6. Табак возбраняется курить в каюте, но позволяется на палубе.

7. Кто однажды окажется нарушившим сии правила, тому на будущее время вправе отказать в билете для проезда выдающий билеты.

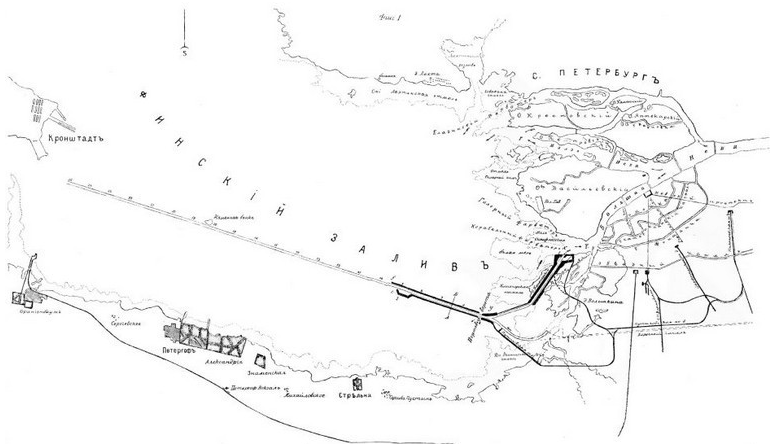
8. Люди, принадлежащие к пароходам, обязаны быть благопристойными, услужливыми и делать пассажирам всякое пособие в приеме на суда и снятии с оных багажа, однако ж быв заняты своей должностью, за целость вещей они не могут ответственовать, но всякий пассажир за багажом своим должен иметь собственное смотрение.

9. Если же люди, принадлежащие пароходам, причинят кому-нибудь из пассажиров какое-либо неудовольствие, то по приношении жалобы будет сделано обиженному в С.-Петербурге полное удовлетворение».

Правила эти настолько характерны, так передают колорит былой эпохи, что не нуждаются в комментариях.

В 1835 году было сделано первое ходатайство об откры-

тии пароходного рейса между Кронштадтом и Ораниенбаумом, но ответ был отрицательный; начальство почему-то не нашло возможным разрешить эти рейсы, которые открылись только 5 июля 1850 г. Затем с 60-х годов стала успешнее проявляться частная инициатива, появился ряд пароходных компаний, стали открываться новые рейсы, например на Лисий нос, вследствие конкуренции понижалась и плата. В 1885 году кронштадтский купец Сидоров прорыл в Ораниенбауме канал, доходящий почти до вокзала, – сообщение стало еще удобнее. Затем стали вводиться винтовые пароходы, и начались попытки продлить судоходство и во время ледохода и ледостава. Попытки эти особенно стали успешны с изобретением ледоколов, помощью которых навигация, например, в зиму 1922–1923 годов продолжалась без перерыва, а пароходы до Ораниенбаума ходили до последних чисел декабря.

Карта пути по Финскому заливу до Кронштадта

Путь в Кронштадт

Перед впадением в Финский залив река Нева – как бы естественный канал, глубиной от 5 до 8 $\frac{1}{2}$ сажен и шириною от 150 до 350 сажен – разделяется на несколько рукавов и вступает в залив через прибрежную его отмель шестью фарватерами. Главный или большой корабельный фарватер, служащий продолжением Большой Невы, проходит через мель несколькими легкими изгибами на протяжении 5 верст, имея в ширину от 100 до 150 сажен. Глубина его у устья реки 24 фута, постепенно уменьшается в направлении к заливу и на окраине отмели имеет всего 8–10 футов. Этот фарватер отмечается бакенами и вешками и служит обыкновенным путем в Кронштадт. Остальные пять фарватеров, отходящие от устья Невы: Елагинский, или Малый, – от устья Малой Невки; Петровский, или Средний, – от Малой Невы; Галерный – от Большой Невы, севернее главного фарватера; Канонерский, или Гребной, – от Большой Невы, южнее главного фарватера и, наконец, Екатерингофский – от Екатерингофской речки – все уже и мельче.

Но кроме главного корабельного фарватера с 1883 г. при путешествии в Кронштадт можно пользоваться и устроенным так называемым Морским каналом. Он идет от Большой Невы на Гутуевском острове, который и пересекает через Ка-

нонерский остров с севера на юг; далее идет по Канонерской мели, где поворачивает почти перпендикулярно к прежнему направлению и доходит до самого Кронштадта, оканчиваясь на естественной глубине в 20 фут. Вся длина канала 25 верст. От Кронштадта к Петербургу канал идет сначала открыто, без всяких дамб. Эта часть канала имеет $15\frac{1}{2}$ верст длины и 50 сажен ширины по дну. Затем по обеим сторонам идут дамбы. Северная дамба выходит в море на 200 саж. более, чем южная; это сделано в предупреждение могущих быть заносов с моря. Эта часть канала между двумя дамбами имеет $4\frac{1}{2}$ вер. длины и 40 саж. ширины по дну. В начале этой части канала устроены портовые ворота для выхода мелких судов в море. Пройдя 200 саж. от портовых ворот, канал разделяется на две ветви, одна ветвь направляется в Екатерингофскую речку, а другая – в Большую Неву.

Канал этот был прорыт для того, чтобы дать возможность глубоко сидящим торговым океанским судам подходить прямо к Петербургскому порту. Идея этого канала несколько в ином направлении принадлежит Петру: он начал приводить ее в исполнение, но смерть помешала, и только в конце 1870-х годов приступили к работе.

Глубина Невы, как мы уже говорили, почти на всем протяжении равняется от 5 до 8 саж. и только у устьев – 3 % сажени; Финский же залив почти от самого Кронштадта не глубже 12 фут., а ближе к Петербургу глубина его все уменьшается и доходит до 10 и даже до 8 фут., и то только по так

называемому главному, или корабельному, фарватеру, имеющему от 100 до 150 сажен ширины; по другим же фарватерам глубина значительно меньше, и на мелях она доходит до 3 и даже до 2 фут. Вследствие такой незначительной глубины главного фарватера морские суда не могут пройти в Петербург, и поэтому, придя в Кронштадт, они должны перегружаться на мелкосидящие суда или на так называемые лихтера. Эта перегрузка увеличивает и время, и деньги за провоз. Оказывается, что для прохода от Кронштадта до Петербурга употребляется то же самое время, а иногда и вдвое большее, и платится столько же за провоз, как от Лондона до Кронштадта. Вот причина, заставившая устроить Морской канал и тем самым дать возможность морским судам подходить прямо к Петербургу. В 1909 году Морской канал был углублен до 25 фут., что увеличило проходимость его и для океанских пароходов.

Панорама по пути в Кронштадт

Пока пароход, если он винтовой, разворачивается, отходя от Петербургской пристани, пассажир любуется красавицей Невой с Новым адмиралтейством, стоящими около него военными судами, набережной Васильевского острова с монументальным Горным институтом. Если пароход пойдет по Морскому каналу, любопытствующий взор будет наблюдать жизнь торгового порта: громадные коммерческие пароходы, разгружающие привозимые заграничные товары и уголь и забирающие от нас сырье, работу элеваторов, торговых складов. Если же пароход вышел на корабельный фарватер, то перед уезжающим точно в калейдоскопе будут проходить виды Петербурга, постоянно изменяясь, принимая с каждым мгновением все новый и новый вид, и над этой изменяющейся панорамой недвижно возвышается, горя золотым куполом, Исаакий... Уже пропадет панорама Петербурга, скроются очаровательные картины, а золотой купол Исаакия все виден – он виден и из Кронштадта; так точно, как только мы выйдем в Маркизову лужу, перед ним заблестит купол Морского собора Кронштадта. Эти два блестящих купола служат как бы маяками между Петербургом и Кронштадтом.

Кронштадтъ. Петровская пристань.
Cronstadt. Le quai du Pierre.

Петровская пристань

Но только что пароход выйдет на простор Маркизовой лужи – почему-то так с Петровского времени зовется мелкий Финский залив, – будут разворачиваться две панорамы: Финского берега с Лахтой и тянущимся береговым лесом и Петергофская перспектива – Стрельна, Петергоф, Ораниенбаум. Красочным пятном выделится Большой петергофский дворец, сначала как бы в тумане начнет возвышаться своеобразный профиль готической церкви св. Александра Невского, все яснее и яснее он возвысится над парками и садами Петергофа, и скоро начнут точно выступать из моря северные

форты Кронштадта, те укрепления, которые устроены на искусственных островах среди моря, которые представляют из себя железобетон, и только, и в своей совокупности замыкают то кольцо укреплений, которое делает Кронштадт совершенно неприступным с моря. На берегу белеют постройки Ораниенбаума, между ним и Кронштадтом виднеется круглая башня бывшего Кроншлота, первого укрепления, построенного на Ораниенбаумской отмели, и Кронштадт весь как на ладони перед приезжающим.

Пароход подходит к Петербургской пристани.

Историческая справка о Кронштадте

Пока пароход скользит по поверхности залива, пока калейдоскопически меняются виды, нужно себе ясно представить, почему возник Кронштадт и как он создавался, развивался.

Ввиду особого направления фарватера в Неве, Петр 16 мая 1703 года заложил на маленьком невском островке Еннисари, что означало Заячий остров, нынешнюю Петропавловскую крепость, значение которой, как я неоднократно указывал в других своих работах, – запереть фарватер, лишить шведский флот возможности проникнуть в Неву.

4 октября 1703 года Петропавловская крепость была готова; Петру в этот день донесли, что шведский флот, крейсировавший в Финском заливе, отплыл на зимовку в Выборг. Петр тотчас, несмотря на плывший уже по Неве лед, поехал в Финский залив на рекогносцировку и наткнулся на Риту-саари, т. е. Крысиный остров, который мы называем Котлин. И Петр сделал то, что не догадались сделать ни шведы, ни русские, в течение нескольких столетий боровшиеся за этот остров, – он обмерил залив вокруг него и заметил, что фарватер идет южной стороной острова, к которой подходит от Ораниенбаумского берега большая мель – ши-

рина фарватера очень невелика. Таким образом, если на отмели Ораниенбаумского берега, у края фарватера, выстроить на искусственном острове укрепление и укрепить Ритусаари, то вход в Невский фарватер будет для шведского флота невозможен. Флот попадает под обстрел возведенных укреплений. Той же зимой начинается поспешная работа, и 7 мая 1704 года гордая сильная башня-батарея уже возвышается над фарватером, грозит своими орудиями и носит гордое название «Кроншлот» – верховный замок. А на Ладожском озере, опять-таки в спешном порядке, строится флот, скоро он выйдет в море и укрепит и без того сильный Кроншлот. И действительно, в течение ряда лет русский Балтийский флот, зимовавший в Петербурге, на время навигации выходил к Кроншлоту. Проход флота на зимовку через неевский бар, т. е. через ту отмель, по которой шел главный, или корабельный, фарватер (название его «корабельный» теперь ясно – через него водить корабли Балтийского флота было затруднительно, приходилось снимать балласт, тратить много времени), и Петр решает перенести и зимнюю стоянку в Кронштадт, и начинает строиться первоначальная военная гавань. Таким образом, возникнув, как форт Кроншлот, Кронштадт к крепости присоединяет и гавань для флота. Но если флот здесь зимует, то здесь же необходимо быть тому месту, где можно производить ремонт судов, должен появиться док – и устраивается так называемый Петровский крест-канал (все сведения фактические об упо-

минаемых здесь достопримечательностях Кронштадта будут даны в своем месте в путеводителе, здесь мы освещаем лишь общую идею). Но военная гавань не могла остаться одинокой, сюда стали приставать и коммерческие суда, а это обстоятельство, в связи с устройством вышеуказанного дока, безусловно должно было явиться притягательным средством для притока мастеровых, рабочих, купцов и прочего населения – и стал возникать город. Таким образом, в развитии Кронштадта мы видим логически выраженное, ясно проведенное положение:

- 1) возникает укрепление для защиты фарватера;
- 2) к укреплению, под его защиту, пристраивается гавань для флота;
- 3) при устройстве гавани нужен док для ремонта судов;
- 4) и, как логическое заключение всех выше данных предпосылок, зарождается, растет и увеличивается Кронштадт.

Вплоть до устройства Морского канала Кронштадт был нашим главным коммерческим портом, сюда привозились все товары, шедшие через Петербург. И обычный наш курьер: официально Кронштадт не был признаваем коммерческим портом, он считался только военной гаванью, и не было особого управления коммерческого порта; это управление возлагалось на брандвахту и таможню. С устройством Морского канала коммерческий порт перешел в Петербург и Кронштадт резко и определенно захирел и потерял свой характер торгового портового города, сохраняя специфически

военный характер. За последнее время на эту сторону Кронштадта обратили особое внимание, принимая все средства, чтобы сократить гражданское население до минимума, сделав Кронштадт вполне военным городом, передовым фортом, защищающим подступы к Петрограду.

Кронштадт за пять лет революции¹

Теплело. В воздухе чувствовалось приближение весны – было 4 апреля 1917 года. Площадь перед Финляндским вокзалом, самый Финляндский вокзал, примыкающие к нему улицы были заняты народом, волнующимся, чего-то ожидавшим. И среди этой массы людей бросились в глаза стоявшие в строю, колоннами под ружьем, моряки Балтфлота. Их было до трех тысяч человек. Они приехали сюда, в Питер, из своего Кронштадта, чтобы встретить возвращавшегося из-за границы старого борца-революционера В. И. Ленина.

Послышался еще отдаленный свисток – поезд прошел через семафор; все ближе, все громче стук колес по рельсам, пыхтение паровоза, и воцарилась тишина.

Приехал или нет?

И раздавшийся сначала недружно, отдельными голосами, затем слившийся в общий восторженный крик, вскоре взрыв человеческих голосов показал, что ожидания не напрасны.

Вождь прибыл.

И тут же, под открытым, слегка синеющим, принимавшим весеннюю окраску, туманным небом Петербурга, стоя на открытом автомобиле, окруженный своими друзьями, Ленин

---

¹ Эта часть представляет перепечатку-переработку брошюры моей работы, изданной анонимно Кронштадтской комиссией по устройству Октябрьских торжеств под заглавием «1917–1922 год в Кронштадте». – П. С.

произнес свою первую, начальную речь, вложив в нее то содержание, каким отмечались и все его речи первого петербургского периода.

Лозунги революции были брошены. Эти лозунги выражали то, что чувствовали, к чему стремились, во что хотели верить и во имя чего хотели жить и бороться рабочие и крестьяне, но что они не могли вложить в конкретные, вполне понимаемые, вполне запоминаемые формы.

Это было сделано впервые 4 апреля 1917 года в Петербурге, у Финляндского вокзала, и три тысячи приехавших, составлявших почетный караул, вооруженных кронштадтцев не только слышали, но глубоко прочувствовали, глубоко запечатлели в сердце первую речь Ленина.

Начало для Красного Кронштадта было положено...

И вернувшись к себе, на свой Сахалин, как вообще в общезнании величался передовой форт Петербурга, моряки не позабыли этих лозунгов, а дали им дальнейшее, естественное продолжение и развитие.

Через две недели, 15 апреля 1917 года, в самом Кронштадте произошло одно событие, вернее, даже один как будто совсем незначительный эпизод. Состоялось собрание членов первого кронштадтского революционного клуба. Этот клуб носил название «Земля и Воля», но, по мысли учредителей, это должен был быть не партийный, а общегородской кронштадтский клуб. На собрании поднялся вопрос о названии клуба. Группа лиц подчеркивала, что существовав-

шее название «Земля и Воля» является лозунгом партии эсеров и что лучше дать клубу другое, более широкое название: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Споры по поводу названия клуба были горячие, и хотя ни к какому результату не пришли, и хотя был брошен упрек, что социал-демократы большевики хотят внести раздор, когда необходимо единение, но первая схватка произошла, чувствовалось приближение настоящей борьбы.

И скоро этот незначительный, имевший вполне местное, кронштадтское, значение эпизод разросся в большое, общероссийского масштаба событие. Обвиняли большевиков Кронштадта в том, что «будто кронштадтцы зовут народ к произволу, самосуду, анархии, будто они подвергают мучениям арестованных начальников и слуг царизма, и, наконец, будто кронштадтцы отказались признавать власть Временного правительства, отложились от России и образовали самостоятельную Кронштадтскую республику».

На эти обвинения кронштадтцы ответили замечательным документом, «Воззванием к революционному народу Петербурга и всей России», где впервые в России был выдвинут со всей яркостью лозунг «Вся власть Советам». Опровергая обвинение в непризнании Временного правительства, кронштадтцы в своем воззвании заявляли:

«Мы за единство революционной России, за единство трудящегося народа в борьбе с его угнетателями. Мы считаем, однако, – и это есть твердое убеждение нашей революцион-

ной совести, — что нынешнее Временное правительство, состоящее в своем большинстве из представителей помещиков, заводчиков, банкиров, не хочет и не может стать подлинным правителем демократии, властным вождем народной революции, и, что если в стране действительно наблюдаются явления анархии, то виной этому является буржуазная политика Временного правительства, которое в продовольственном, земельном, рабочем, дипломатическом и военном вопросах не служит подлинным интересам народа, а идет на поводу у имущих и эксплуатирующих классов. Мы считаем, что петроградский и некоторые провинциальные советы рабочих и солдатских депутатов совершают ошибки, поддерживая это правительство.

За это наше убеждение мы боремся честным оружием революционного слова... Мы надеемся, мы верим, мы убеждены, что каждый новый день будет все больше раскрывать глаза самым темным и отсталым слоям русского народа и что близок час, когда объединенными силами трудящихся масс вся полнота власти в стране перейдет в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Вам, братья по революции в Петрограде и во всей России, мы протягиваем нашу руку, мы, матросы, солдаты и рабочие Кронштадта. Наша связь нерасторжима. Наше единство несокрушимо. Наша верность незыблема. Долой клеветников и разъединителей революционного народа. Да здравствует Революция!»

Таким документом ответил Кронштадт на обвинения,

воздвигнутые против него. И в этом документе Кронштадт уже подчеркивал со всей ярко бросающейся в глаза откровенностью достигнутое им дальнейшее развитие в революционном движении.

«Вся полнота власти Советам!»

Вот главная мысль только что приведенного документа. И вместо оправдывания, вместо объяснения своих действий Кронштадт обрушивается с обвинениями. Из обвиняемого он становится обвинителем, он укоряет и Петроградский совет, и ряд провинциальных советов, и министров-социалистов за их уступки перед эксплуататорами. Этот документ необходимо знать, ибо только тогда будет вполне понятна дальнейшая эволюция Кронштадта.

13 мая 1917 года Исполнительный комитет Кронштадтского совета в своем заседании вынес резолюцию, что единственной властью в Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов, который по всем делам государственного порядка входит в непосредственный контакт с Временным правительством. Административные места в Кронштадте занимаются членами Исполнительного комитета, для чего состав Исполнительного комитета пополняется соответствующим количеством депутатов из Совета рабочих и солдатских депутатов. Эта резолюция Исполнительного комитета 16 мая была рассматриваема в Совете, который и принял ее, но в тексте протокола заседания эта резолюция появилась в несколько иной редакции; вместо фразы «входит

в непосредственный контакт с Временным правительством» было сказано более определенно и прямо: «входит в непосредственные сношения с Петербургским советом рабочих и солдатских депутатов».

По существу вопроса изменения не было. Ведь Петербургский совет состоял в большинстве из эсеров и меньшевиков и поддерживал Временное правительство классической формулой «постольку, поскольку»; действительной же властью, конечно, был Совет, а не Временное правительство. Но последнее обиделось на умолчание в резолюции Кронштадта и опиралось якобы на «общественное мнение», которое должно было представляться статьями, телеграммами газет, адресами организаций, и послало 24 мая в Кронштадт двух министров, Церетели и Скобелева, которые должны были предложить Кронштадтскому совету четыре вопроса:

- 1) об отношении к центральной власти;
- 2) о представителе Временного правительства в Кронштадте,
- 3) о необходимости немедленного введения демократических органов местного самоуправления и судебных учреждений на общих для России основаниях;
- 4) об арестованных офицерах.

Первые три вопроса имели общий принципиальный характер, четвертый, вполне местного значения, был припутан к этим трем вопросам без явной связи.

И кронштадтцы ответили вышеприведенным нами доку-

ментом. Кронштадтский совет заседал целую ночь. Министры от имени Временного правительства остались довольны ответами, они ясно увидели, что о «самостийной Кронштадтской республике» не может быть и речи, но когда в столичной прессе был помещен этот ответ, то он был назван «резолуциями Кронштадтского совета», и Исполнительный комитет Кронштадтского совета тотчас не замедлил опубликовать следующее: «Принятые на заседании 24 мая ответы на вопросы, заданные министрами Церетели и Скобелевым Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов, являются не резолюциями, не разъяснениями, а только ответами на вопросы и ничем больше. Мы остаемся на точке зрения резолюции от 16 мая сего года и разъяснении от 27 мая 1917 года, признавая что „единственной властью“ в Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов».

Такой уверенный ответ заставил Временное правительство нажать все пружины, пустить в ход все средства, и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов принял оскорбительную для кронштадтцев резолюцию, на которую Кронштадтский совет и ответил вышеприведенным воззванием.

Фактически, конечно, победил Кронштадт. Приняв резолюцию, Петербургский совет не смог заставить Кронштадт подчиниться этой резолюции – власть осталась за Советом, но шум, поднятый против Кронштадта, весьма естественно

привлек к нему внимание всей России. Из самых отдаленных мест России, от советов, полковых комитетов и других организаций посылались делегации посмотреть, что делается в Кронштадте. Наконец и сам Кронштадт, чтоб рассеять ту клевету, которая распространялась против него, рассылал в разные города делегации, которые делали доклады, выясняли истинное положение дел. И пропаганда «Вся власть советам» достигала до самых отдаленных уголков России.

Атмосфера сгущалась. Напряжение масс росло. Политика Временного правительства все более и более отклонялась вправо. И вот, 3 июля, днем, в Кронштадт приезжают делегаты от 1-го пулеметного полка и заявляют, что в 5 часов дня их полк собирается выступать. Исполнительный комитет предложил пулеметчикам, до проверки сообщаемых ими данных, до сношения Исполнительного комитета с Питером, не выступать на митингах и вообще не возбуждать толпу. Но вечером в Сухопутном манеже, на лекции анархиста Ярчука, пулеметчики выступили, и в результате их выступлений состоялся громадный митинг на Якорной площади. В митинге принимали видное участие тов. Рошаль, Раскольников, Венник и др. Причем так как в Кронштадте не было никаких определенных сведений, то было постановлено отложить решение до утра. В 6 часов утра загудел гудок электрической станции и громадная Якорная площадь заполнилась матросами и рабочими. Собралось тысяч 10–12. Около 7 часов утра была произведена посадка, и кронштадтцы двинулись

на Петербург.

Надо подчеркнуть, что это движение было стихийное, что ни Исполнительный комитет, ни Совет депутатов формально не давали своего соглашения на выступление. Но масса не нуждалась в этих санкциях, массе казалось, что настало время действовать.

Всего было отправлено 6 судов, в том числе и «Зарница», на них было 6300 матросов, кроме того и рабочие. Ехали все организации, все партии.

Высадились на Васильевском острове и направились ко дворцу Кшесинской, где в то время находился Центральный комитет большевиков. Здесь произошла первая размолвка среди руководителей; ни эсеры, ни меньшевики, ни анархисты не хотели, чтоб большевики устроили митинг у своего партийного комитета. Митинга не было. Но товарищ Ленин и еще ряд ораторов-большевиков приветствовали демонстрацию. Через Троицкий мост, площадь Жертв революции, Невский проспект, Литейный проспект, к Таврическому дворцу, т. е. через город, демонстрация прошла в стройном порядке. И когда голова демонстрации была у Пантелеймонской улицы, раздались выстрелы. Но предоставим слово участнику и организатору тов. Раскольникову, как он докладывал Кронштадтскому совету в заседании 7 июля того же года:

«Раздались предательские выстрелы, наши товарищи подверглись панике, и сколько я ни старался удержать, нас ни-

кто не слушал, началась беспорядочная стрельба, наши товарищи начали стрелять преимущественно в воздух, раздался возглас: „лечь“ и все легли, затем постепенно отошли. Когда мы подошли к Таврическому дворцу, там стоял пулеметный полк под командою прапорщика Семашко».

В это время произошел инцидент с арестом Чернова, впрочем, он был сейчас же освобожден. Демонстрация не достигла своей цели. По возвращении демонстрантов ко дворцу Кшесинской часть кронштадтцев заняла Петропавловскую крепость. Защитники Временного правительства предполагали начать правильную осаду: должны были быть новые жертвы. Но вскоре же начались переговоры о возвращении кронштадтцев в Кронштадт. И здесь, в этих переговорах, рельефно выявилась физиономия военной комиссии: то она соглашалась на условия кронштадтцев, то меняла их, то соглашалась ждать до определенного часа, то представляла ультиматумы. В конце концов, кронштадтцы прибыли в Кронштадт, переписанные и без оружия; кроме того, кронштадтцы должны были согласиться на арест Раскольников и Ремнева, на обыск в редакции газеты «Голос Правды». Таким образом, выступление кронштадтцев кончилось поражением. Совет должен был уступить. Но в Кронштадте большевики не испытывали того, что приходилось испытывать их товарищам в Петербурге. Например, в воскресенье 16 июля товарищ Веник мог свободно читать в бывшем Летнем морском собрании лекцию на тему «Социализм и классовая

борьба»; затем этот же товарищ, принимавший участие еще в подпольной работе, выступал в ряде лекций ярко большевистского направления; кроме того, состоялись лекции товарища Стель и некоторых других партийных работников.

30 октября 1917 года в Совете рабочих депутатов обсуждалась фраза Керенского: «Кронштадт потерял всякую боеспособность, довольно играть вольно и невольно в руку немцев, средства обороны в Кронштадте уже не все на месте».

На это обвинение Кронштадтский исполнительный комитет ответил опять-таки обращением ко всей России, обращением сильным, могущественным, интересным еще и потому, что в этом обращении был подведен итог тому, что произошло.

«Товарищи и граждане, – так начиналось воззвание, – в газетах от 1 октября была опубликована телеграмма министра председателя Временного правительства Керенского главнокомандующему армиями Северного фронта (телеграмма эта приведена выше). Товарищи и граждане! – продолжало воззвание кронштадтцев, – в грозный час испытаний министр председатель осмелился перед лицом всей революционной России и всего мира бросить темный и тяжкий навет на революционный Кронштадт.

Мы говорим – темный навет, ибо министр Керенский никаких доказательств, никаких объяснений в подтверждение этого навета не приводит.

Мы говорим – тяжкий навет, ибо министр Керенский

утверждает, что кронштадтцы „вольны или невольны играли в руку врагу“. Разве может быть сильнее обвинение, чем обвинение в вольной или невольной измене стране и революции, в вольном или невольном предательстве? Ибо играть в руку врагу, значит предать революцию врагу. Нельзя придумать более тяжкого обвинения, чем обвинение в измене и предательствах.

Не только в грозный час испытаний, но и при всяких условиях клеймо предательства и измены является тягчайшим позором тому, на кого оно наложено.

Но вместе с тем велика и ответственность того, кто берет на себя смелость наложить позорящее клеймо.

Товарищи! Революционный Кронштадт не первый раз встречает попытку оклеветать его перед лицом трудящихся. Вы помните, как с легкой руки бывшего министра Церетели вся буржуазная ленивая пресса травила кронштадтцев, как контрреволюционное гнездо, отложившееся от России. И тогда Кронштадт обвинялся в измене революции. Мы с негодованием отвергли эту клевету. Нам поверили рабочие, солдаты и крестьяне. А те, у кого были сомнения, приезжали к нам, знакомились с революционными порядками Кронштадта и от их сомнений не оставалось и следа.

Мы не знаем, зачем нужно было сейчас, в этот грозный час испытаний, министру Керенскому пустить новую лживую легенду о Кронштадте. Об этом мы спрашиваем министра и требуем от него прямого, ясного и категорического

ответа. Пока мы не знаем побуждений гнусной клеветы министра на Кронштадтский гарнизон.

Но мы твердо знаем и никогда не забудем, как генералы министра Керенского, совершая предательство на фронте, клеветали на солдат, умиравших в окопах. Вы помните, министр Керенский, как генерал Корнилов, которого вы называли „первым солдатом русской армии“, снял полки с фронта и повел их на революционный мозг страны, на Петроград?

Вы, может быть, вспомните, министр Керенский, что ваши ближайшие помощники Савинков и Филоненко явились ближайшими помощниками в походе на Петроград „первого солдата русской армии“?

Вы, может быть, вспомните, министр Керенский, как ваш главнокомандующий генерал Корнилов еще 8 августа проектировал разрушить это гнездо революции?

Может быть, кронштадтские матросы и солдаты повинны в том, что приняли все меры, чтобы не допустить этого разоружения?.. Да, в этом повинны наши моряки и солдаты! Да, мы, поскольку это было в наших силах, не допустили и не допустим разоружить оплот российской революции, даже если бы вы этого потребовали вслед за вашим „первым“ солдатом.

Долой предателей страны и революции! Долой клеветников на отряды русской революции!»

В этом ответе уже чувствуется приближение октября. И действительно, октябрь наступил, и участие кронштадтцев в

этом октябре было велико. Передадим ход событий словами кронштадтских очевидцев.

В ночь с 23 на 24 октября было созвано экстренное заседание Исполкома Кронштадтского совета, окончившееся только в 6 часов утра. На этом заседании товарищи Новиков, Калисс и Гримм были назначены руководить действиями сводно-боевых отрядов Кронштадта.

В 11 часов утра 24 октября 9300 кронштадтских моряков на заградителе «Амур» и на 4 других судах отплыли в Петербург, чтобы оказать вооруженную поддержку питерским товарищам.

«При осмотре команд всех судов, – вспоминает военмор Новиков, – было установлено, что из командного состава никто, кроме поручика Петухова из учебно-минного отряда, не примкнул к движению – весь офицерский состав поэтому был арестован в Кронштадте. Путь из Кронштадта в Петроград прошел благополучно. При входе в устье Невы у Франко-Русского завода два наших моряка дали условные сигналы о том, что в Петербурге все спокойно, засад нет никаких и, по-видимому, нашего прихода никто не ожидает. В первом часу моряки высадились, и уже в 8 часов вечера отряд товарища Зайцева занял Новое Адмиралтейство, второй отряд товарища Сладкова – Петроградский порт, а третий – Главное Адмиралтейство, он же арестовал и весь штаб флота. Тем временем гарнизон Петропавловской крепости известили, что он всецело переходит на сторону восставших. За-

тем началось передвижение к площади Зимнего дворца, и отряды матросов расположились следующим образом: отряд под начальством товарища Никитина у арки Главного штаба, второй, во главе с товарищем Зайцевым, у Невского проспекта, третий, под начальством товарища Петухова, у Адмиралтейства. Товарищ Калис занял в это время телеграфно-телефонную станцию. Напротив Зимнего дворца на Неве стоял крейсер „Аврора“. Дворец защищали юнкера и женские „батальоны смерти“.

Стремление наступающих было избежать лишнего кровопролития, и в 12 часов 45 минут ночи „Аврора“ дала холостой залп по Зимнему дворцу из тяжелых орудий. Залп был дан с целью произвести панику среди защитников и, действительно, последние поняли после залпа, что перевес на стороне наступающих, что защитить Зимний дворец невозможно, и в час ночи с 24 на 25 октября Зимний дворец сдался, и тотчас на флагштоке Петропавловской крепости был поднят красный фонарь, что означало победу красного февраля».

Не успели кронштадтцы, как говорится, даже передохнуть, им пришлось выполнять новую задачу. В заседании Исполнительного комитета от 28 октября было заслушано заявление товарища Раскольников, уполномоченного от военно-революционного комитета, чтобы была выставлена от кронштадтского гарнизона поддержка петроградским войскам, бывшим у Гатчино. И кронштадтцы деятельно порабо-

тали на этом новом фронте, на фронте против Керенского.

Через неделю – новое требование. Оно формулировалось следующим образом. «Революционная власть поручила Кронштадту новую работу. Нет сомнения в том, что голод является прямой опасностью для революции. Петрограду грозит голодная смерть. Запаса хлеба нет, а подвоз саботируется всеми способами. Чтобы подогнать подвоз хлеба к столице, исполнительная власть предложила Кронштадту послать 500 человек во все концы России».

И кронштадтцы стали работать на новом фронте – хлебом. Конечно, во время этой работы было сделано немало ошибок, понятно, что к истинным революционным деятелям примазывались и нежелательные элементы – но все же работа кипела и Петербург получил нужный ему запас хлеба.

В то же время были свои внутренние важные дела: ведь Кронштадт первый выставил лозунг «Вся власть Советам» и теперь, когда этот лозунг воплотился в жизнь, нужно было доказать его реальность. И в этом отношении Кронштадт рубил с плеча.

7 декабря 1917 года – через месяц с небольшим после октябрьской победы – Кронштадтским советом принимается большинством против одного воздержавшегося следующая резолюция:

«Частная собственность на недвижимое имущество, на дома и землю в районе кронштадтской крепости отменяется. Домами и землями впредь будет заведывать Кронштадтский

совет через центральную квартирную комиссию и домовые комитеты».

Затем, менее чем через 12 дней, 19 декабря 1917 года был представлен проект об управлении национализированными зданиями – все это проводилось в жизнь Кронштадтским советом раньше, чем где-либо в России.

Первое объединенное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов было 21 марта 1917 года, и первый Совет не имел ни фракционных делений, ни определенного политического лица. От прежних существовавших отдельно советов – военного и рабочего – он унаследовал деление на матросов, солдат, рабочих, сидевших раньше не вперемешку друг с другом, не по группам одинаково политически настроенных, а распределявшихся по цвету шинелей, покрою тужурок. Лишь через некоторое время можно было устранить это подразделение. И целым событием было предложение перетасовать моряков, солдат и рабочих по всем стульям, чтоб подчеркнуть отсутствие неприязненности и полноту единения.

Резолюции, выносимые Советом первого состава, носили на себе печать Петроградского совета, к которому вначале было безграничное доверие, нарушившееся лишь тогда, когда политика соглашательства, положенная в основу петроградской платформы, вылилась во враждебное отношение к Кронштадту. Наступил кризис, и произошли перевыборы, которые дали уже много партийно определившихся товари-

щей. Так, состав Совета второго созыва включал в себя 93 большевика, 91 эсера, 46 меньшевиков и 68 беспартийных. Принятие 16 мая резолюции о полном переходе власти в руки Советов, создавшее вокруг Кронштадта крайне враждебную атмосферу, показало, что новый Совет сходит с прежней тропы слепого подражания питерскому, соглашательскому в то время, Совету и начинает прокладывать дорогу советской власти и не в кронштадтских рамках.

Настал период наступления, против которого 182 голосами против 65 воздержавшихся была принята Советом резкая резолюция протеста – наступили июльские дни, закончившиеся вооруженным походом против Кронштадта и происшедшего после сложного процесса в политическом сознании масс, Совет вновь был переизбран (11 августа) и заключал в себе 96 большевиков, 73 левых эсера, 96 беспартийных, 13 меньшевиков и 7 анархистов.

Этот состав Совета оставался на своем посту до января, выполняя в октябрьские дни боевую работу по посылке отрядов и закреплению завоеванной власти пролетарской республики.

Но чем дальше, тем сильнее и сильнее давало себя знать несоответствие принятой формы организации Совета, не имевшего возможности провести целиком полную децентрализацию управления у себя на месте. Административный и хозяйственный аппараты хромали, городская дума отвлекла лучших работников и разбивала – как подчеркивалось –

стройность хозяйственной организации.

4 января был переизбран Совет (четвертый по счету) на новых основаниях. Городская дума была распущена (29 января), весь хозяйственный и политический механизм взял в свои руки Совет, создавший постоянные отделы и тем избавивший себя от бесконечного ряда комиссий, создаваемых ранее без всякой системы. Про эту последнюю организацию своего Совета, выработанную Кронштадтом вполне самостоятельно, Кронштадт мог отметить следующее: инструкция по организации Советов, выработанная центральной властью, Советом народных комиссаров, была очень сходна с такой же, выработанной кронштадтским Советом.

Совет 4-го созыва пробыл недолго. Совету пришлось назначить перевыборы, так как среди населения велась вполне определенная агитация против Совета. Одним из главных оснований этой агитации было то обстоятельство, что Совет не соглашался на выдачу так называемых эвакуационных денег тем рабочим, которые предполагались к эвакуации, но не были эвакуированы вследствие прекращения эвакуации. Также довольно сильную агитацию против Совета вели и защитники Учредительного собрания. Но и вновь выбранный Совет 5 выбора оказался таким же по составу, как четвертый.

Одной из особенностей кронштадтского Совета была следующая: как только в среде населения Кронштадта начиналось какое-нибудь брожение, как только выносилась та или иная резолюция, не согласная с направлением Совета, – по-

следний апеллировал к массам, назначая перевыборы. И этими перевыборами Совет, безусловно, укреплял свое положение.

Совету приходилось работать, как мы видели и как увидим ниже, в очень тяжелой обстановке. 25 апреля 1918 года финляндская белая гвардия хотела захватить форт Ино, предъявив гарнизону ультиматум сдать форт без боя, рассчитывая на бессилье гарнизона. Форт Ино принадлежал по договору с Финляндией России как входящий в передовые оборонительные позиции Кронштадта. Но умысел белогвардейцев потерпел фиаско, гарнизон не испугался ультиматума. Но если первая попытка белогвардейцев не удалась, то они не оставили своих намерений, и Кронштадтский совет рабочих и солдатских депутатов должен был 15 мая 1918 года вынести следующую резолюцию:

«Заслушан доклад коменданта крепости тов. Артамонова о взрыве форта Ино. Форт взорван по личному приказанию на основании предоставленного ему военным отделом права единоличного распоряжения при непосредственной опасности, в виду близости неприятеля. К приказу о взрыве форта его вынудили следующие соображения: белогвардейские парламентары в третий раз заявили, что у них имеется приказание предложить гарнизону очистить форт и передать вооружение на основании дипломатических переговоров между Москвой и Берлином. Будучи уверенным, что дипломатический курьер привезет неблагоприятное по своему содер-

жанию решение, и зная, что, с одной стороны, защита форта Ино с суши, при отсутствии мало-мальски порядочных укреплений, отсутствии резервов и пр., было бы абсурдом и что форт пришлось бы взорвать с людьми, так как во время боя нельзя было бы эвакуироваться (белогвардейцы могли бы на плечах защиты перерезать провода), с другой стороны, считая, что сдача форта во всем вооружении дипломатическим путем была бы позором, он и решил прибегнуть к третьему решению, взорвал форт до прибытия курьера. Эвакуация людей и имущества была совершена спокойно. Сначала были эвакуированы Новгородская, Выборгская и Ямбургская части, последними Латышская часть и артиллерия. Взрыв был произведен в 11 ½ часов ночи. Прежде всего произошел взрыв всех подрывных зарядов, через несколько секунд взорвались снаряжение и зарядные 6– и 11-дюймовые погреба. В течение полутора часов произошло 10 больших взрывов».

Затем – мобилизация 1 августа 1918 года. Эта мобилизация была произведена не самим Кронштадтом, он привык к своим частым мобилизациям. Эта мобилизация пяти возрастов 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897 годов делалась по постановлению Петроградского совета. Об этой мобилизации кронштадтский Совет постановил: «Приветствуя декреты Совета народных комиссаров о мобилизации, считая ее крайне необходимой, Кронштадтский совет постановляет: военному комиссариату крепости поручить провести

мобилизацию кронштадтских рабочих в самый кратчайший срок».

При этой мобилизации Совет обратил особое внимание на коммунистов. Были высказаны следующие положения: «Кронштадтский совет постановил мобилизовать 5 лет кронштадтских рабочих. Каждый честный революционер, принимая во внимание грозное положение революции, должен приветствовать это положение как шаг к созданию социалистической красной регулярной армии для борьбы с наседающим международным капиталом.

Ни один рабочий не должен уклоняться от предстоящей мобилизации в классовую армию.

Каждый рабочий должен твердо помнить, что гибель революции – его гибель, что свержение советской власти несет за собой угнетение и пытки. Каждый рабочий должен встать на защиту советского правительства и отрезать подготавливаемый врагами удар.

Всем известно, что русской революции придется выдержать великий бой с империалистами. К этому бою мы должны готовиться. Мы должны готовить классовую армию, которая была бы спаяна единым порывом, единым революционным энтузиазмом. Только эта армия сможет победить разлагающуюся, деморализованную, уставшую армию империалистов.

И когда мы подходим к мобилизации рабочих, то вместе с рабочими должны идти и коммунисты. Партия коммуни-

стов, как рабочая партия, показала свою преданность революции, защите интересов рабочих в целом. Члены ее должны быть призваны вместе с рабочими.

И те коммунисты, которые не подлежат призыву как не работающие на фабриках, заводах и мастерских, должны быть призваны дополнительно.

Никаких исключений для коммунистов не может быть. На местах, в Советах, должно быть оставлено наименьшее количество рабочих для обеспечения советской работы. Наибольшая часть должна быть призвана в ряды Красной армии.

Кронштадтский комитет коммунистов постановил настаивать, чтобы Кронштадтский совет объявил мобилизацию коммунистов вместе с рабочими. Совет должен это сделать незамедлительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.